

Научная школа в библиотековедении как объект идентификации ученых

Статья-ответ на публикацию В. В. Орлова «Научные школы кафедры библиотековедения и теории чтения библиотечно-информационного факультета СПбГУКИ»¹. Научная школа в библиотековедении формируется и развивается, основываясь на его принадлежности к наукам социально-гуманитарного цикла и особенностях развития самой науки. Основными признаками научной школы являются: наличие лидера, исследовательской программы, сформулированной лидером и разрабатываемой его учениками, традиций, способствующих формированию этических научных норм.

Ключевые слова: научная школа, признаки научной школы, состав научной школы, кафедра библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ

Tatiana V. Zakharchuk

School of sciences in library science as object of identification of scientists

Article answer on V. V. Orlov's publication «Schools of sciences of Department of library science and theory of reading of Faculty of library and information of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts». The school of sciences in library science is formed and developed, based on its belonging to sciences of a social and humanitarian cycle and features of development of the science. The main signs of school of sciences are: presence of the leader, the research program formulated by the leader and developed by his pupils, the traditions promoting formation of ethical scientific standards.

Keywords: school of sciences, signs of school of sciences, structure of school of sciences, chair of library science and theory of reading of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts

Потребность в написании отзыва на статью В. В. Орлова о научных школах кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ вызвана тем, что ее автор предлагает научному сообществу взгляд на феномен научной школы как на некий предмет, к которому каждый исследователь может подойти со своими мерками. Статья носит чисто описательный и перечислительный характер и не содержит никаких научных подтверждений предлагаемым тезисам. Наличие факта существования научной школы зависит, по мнению автора, от того как мы определим содержание этого понятия. Это первая и самая важная методологическая ошибка автора. В таком случае научной школой можно назвать любое объединение ученых, придумав ему соответствующие признаки.

Так и В. В. Орлов, сразу после одного произвольно выбранного определения термина «научная школа», вдруг утверждает: «Таким образом, основоположниками научных школ кафедры можно считать...». Как это следует из определения термина «научная школа» – не очень понятно.

Не буду подробно говорить о принятых в социологии науки определениях понятия «научная школа», из которых автор статьи выбрал не самое распространенное. Однако совершенно очевидно, что при подготовке такой статьи сле-

довало бы ознакомиться с определениями этого термина, данными современными социологами науки и государственными деятелями Е. З. Мирской, И. Г. Дежиной, Н. Х. Розовым, Д. А. Александровым.

Кроме того, с науковедческой точки зрения, вообще нельзя употреблять словосочетание «научные школы кафедры». **Научная школа – неформальный научный коллектив.** Можно говорить лишь о научных школах, сформировавшихся на кафедре, для которых кафедра является лишь организацией, где научные школы зарождались и, возможно, развиваются. А представителями этих школ могут быть исследователи, работающие в любом другом учреждении.

Вторая методологическая ошибка связана с выделением признаков научной школы. Автор ссылается на работы О. Б. Борисовой и работы автора настоящей статьи (правда, не указывая, на какие именно)². Однако перечисленные им признаки выделены не нами. Это общепринятые признаки научной школы. Важнейшими признаками научной школы в настоящее время являются: признание научной школы профессиональным сообществом и самоидентификация возможных представителей научной школы. Но В. В. Орлов считает, что их можно не учитывать при рассмотрении школ кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ.

Из этого вытекают и ошибки в идентификации состава научных школ, сформировавшихся на кафедре. Автор произвольно называет основателей научных школ, не используя для доказательства этого никаких исследовательских методов (например, социологический опрос, анализ профессиональных публикаций и т. п.).

Игнорирование важнейшего признака научной школы – «наличия единой исследовательской программы» – приводит к тому, что «во главу угла» ставятся отношения типа «учитель–ученик», т. е. наличие диссертаций, защищенных под руководством лидера. Это один из возможных, но далеко не основной метод идентификации научной школы. Нельзя утверждать, что в научную школу входят все специалисты, защитившие диссертацию у того или иного крупного ученого. Многие ученики после защиты диссертации по разным причинам «уходят» в другие области исследований, а иногда даже переходят на противоположные научные позиции, т. е. меняют исследовательскую программу.

В результате своих размышлений В. В. Орлов относит профессора Т. И. Ключенко с ее кандидатской диссертацией «Первичный информационный поток и факторы его формирования (на материалах предприятий и организаций черной металлургии)» к научной школе, занимающейся проблемами библиотечного обслуживания. Аналогичная ситуация с профессором Г. В. Варгановой, кандидатская диссертация которой была защищена на кафедре научно-технической информации («Пути совершенствования справочно-поискового аппарата научно-технических библиотек и органов информации в условиях межведомственного территориального отраслевого взаимодействия»), а докторская и вовсе посвящена научно-исследовательской деятельности в библиотечно-информационной отрасли США. Не объясняет автор и оснований отнесения А. Н. Ванеева к школе З. И. Ривлина. И таких примеров множество. В. В. Орлов в своей статье практически не использует термин «научная школа», речь идет лишь о научных направлениях. И это правильно, поскольку речь идет именно о **научных направлениях**, которые развивали определенные исследователи, в разные годы работавшие на кафедре. Но это совсем не означает, что они являются главами научных школ, а ученые, названные в статье их последователями, на самом деле разрабатывают одну исследовательскую программу. Они могут развивать различные подходы к исследованию одной и той же проблемы. Работа на одной кафедре и даже в одном научном направлении не означает принадлежности к одной научной школе.

Предварительное ознакомление В. В. Орло-

ва со статьей О. И. Воверене, О. П. Вилькиной и Д. А. Рингайтиса (которую он приписал только О. И. Воверене), позволило бы выявить очень осторожные высказывания ее авторов о научных направлениях, сложившихся в библиотековедении, которые могут перерасти в научную школу (а могут и не перерасти)³. Одним из основателей такого научного направления, связанного с историей библиотековедения, справедливо назван профессор А. Н. Ванеев. Однако у Орлова А. Н. Ванеев является одним из разработчиков направления «проблемы истории, теории, организации и управления библиотечным делом» (специалист, знакомый с основами библиотековедения, отчетливо представляет, что такого научного направления (не говоря уж о научной школе!), включающего и историю, и теорию, и управление просто быть не может). Для того чтобы понять научную обособенность высказывания О. И. Воверене и ее соавторов, достаточно посмотреть список трудов профессора А. Н. Ванеева. Одним из основателей исторического направления в библиотековедении профессора А. Н. Ванеева называют в своих работах Л. И. Сальникова, В. В. Скворцов, Г. В. Варганова⁴. Вряд ли необходимо дополнительно объяснять, что библиотековедение – это наука, а библиотечное дело – область практики.

Я не утверждаю, что названные В. В. Орловым в статье выдающиеся ученые не являются и главами научных школ. Однако такая бездоказательная и произвольная их компоновка в неформальные научные коллективы не позволяет говорить о научном подходе автора к рассмотрению и идентификации научных школ, сложившихся на кафедре библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ.

Если всерьез говорить о научных школах, сложившихся на кафедре, то необходимо учитывать следующие моменты:

1. Школой может называться только неформальный научный коллектив, признанный профессиональным сообществом, а не составленный произвольно. Для этого нужно найти упоминания о школе в профессиональной печати, опросить ведущих специалистов отрасли.

2. Основатель школы и ее лидеры могут быть выявлены не на основании мнения кого-то из представителей кафедры, а только на основании мнения профессионального сообщества и анализа публикаций представителей школы.

3. Говоря о научной школе, важно сформулировать ее исследовательскую программу. В противном случае о школе говорить не имеет смысла. Нельзя сводить тематику деятельности школы к ее названию. Например, невозможно говорить о школе «библиотечного обслужива-

ния», не раскрыв ее отличия от других школ, имеющих в этом научном направлении. Ведь этими проблемами занимаются не только на кафедре библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ.

4. Главным признаком членства в школе является самоидентификация ученого. Если исследователь отрицает свою принадлежность к данной школе, то это должно быть принято как данность. С другой стороны, если исследователь считает себя принадлежащим к научной школе, это дает основания для дальнейшего изучения этого факта. Прежде чем говорить о принадлежности тех или иных ученых к тем или иным школам, хорошо было бы опросить указанных ученых. Уверен ли В. В. Орлов, что все эти специалисты единодушно согласились бы с ним?

5. При идентификации школы важно рассматривать не всех диссертантов предполагаемого основателя школы, а только тех, кто в дальнейшем развивал его идеи, не ушел из его исследовательской программы.

6. Научную школу от других форм организации научных исследований отличает наличие традиций и постоянное поддержание репутации научной школы. Отсутствие этого компонента делает научный коллектив просто группой ученых, работающих в одном направлении.

Ни один из этих моментов не был учтен В. В. Орловым.

Совершенно удивительным является заключительный вывод автора о том, что «говоря о научных школах кафедры библиотековедения и теории чтения, трудно добиться их однозначного разграничения, все они, так или иначе, пересекаются между собой». Что же это за научные школы, у которых нет самостоятельной исследовательской программы, а представители которых могут свободно «кочевать» из одной школы в другую? «Уход» ученого из школы – обычно значительное событие в его научной биографии.

Таким образом, можно говорить о том, что в данном случае мы имеем дело со статьей, которая не позволяет всерьез говорить о количестве и составе научных школ, сложившихся на кафедре библиотековедения и теории чтения

СПбГУКИ. Для проведения такого рода исследований необходима серьезная науковедческая подготовка и значительное количество усилий, направленных на выявление «ядра» научных школ, предполагающих изучение соавторства, взаимного цитирования и т. д., а также идентификации их признаков (через мемуары, публикации).

Одновременно можно утверждать, что у автора статьи не сложилось четкого, научно обоснованного представления о научных школах. Для формирования такого представления необходимо использовать достижения философии и социологии науки, а также подходы к описанию и идентификации научных школ, сложившихся в науках библиотечно-информационного цикла.

Примечания

¹ Орлов В. В. Научные школы кафедры библиотековедения и теории чтения библиотечно-информационного факультета СПбГУКИ // Библиотечное дело–2013: библ.-информ. деятельность в соврем. системе информации, документных коммуникаций и культуры: материалы XVIII междунар. науч. конф., Москва, 24–25 апр. 2013 г. М.: МГУКИ, 2013. Ч. 1. С. 79–82.

² Борисова О. Б. Научно-исследовательские коллективы в библиотековедении: наукометр. анализ // Науч. и техн. б-ки. 1997. № 8. С. 7–13; Захарчук Т. В. Научные школы в области библиотечно-информационных наук // Библиография. 2012. № 1. С. 38–49.

³ Воверене О. И., Вилькина О. П., Рингайтис Д. А. Идентификация научных школ в библиотековедении, библиографоведении и информатике // Науч. и техн. б-ки СССР. 1989. № 2. С. 11–18.

⁴ Сальникова Л. И. История библиотечного дела и история библиотековедения в структуре библиотечной науки // Библиотечное дело–2013: библ.-информ. деятельность в соврем. системе информ., документ. коммуникаций и культуры: материалы XVIII междунар. науч. конф., Москва, 24–25 апр. 2013 г. М.: МГУКИ, 2013. Ч. 1. С. 86; Скворцов В. В. Исследование истории отечественной библиотековедческой мысли // Библиотечное дело–2004: всеобщ. доступность информ.: материалы девятой междунар. науч. конф., Москва, 22–24 апр. 2004 г. М., 2004. URL: <http://libconf.narod.ru> (дата обращения 12.05.2013).